

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.5+398.21(=1.571–81)
DOI 10.25205/2312-6337-2019-2-5-15

Н. К. Козлова

Омский государственный педагогический университет

Сказочный репертуар А. С. Кожемякиной в записях омского краеведа И. С. Коровкина (по материалам фольклорного архива Омского госпедуниверситета)

В статье идет речь о фольклорном собрании омского краеведа И. С. Коровкина, хранящемся в фольклорном архиве Омского государственного педагогического университета, представляющем собой разножанровые записи, сделанные в 1950-х гг. Подробно анализируются записи сказок от сказочницы А. С. Кожемякиной. Из 40 зафиксированных Коровкиным от исполнительницы сказок автору статьи удалось идентифицировать (по архивным записям и опубликованным материалам) 36.

А. С. Кожемякина переняла сказочный репертуар от своих предков (деда по отцу, матери). Репертуар представляет русскую старожильческую традицию. Его уникальность в том, что по зафиксированным текстам можно проследить процессы, характерные для устного бытования сказок в указанный период. В Приложение к статье помещены два ранее не публиковавшихся сказочных текста.

Ключевые слова: русская старожильческая традиция Сибири, Фольклорный архив ОмГПУ, фольклорное собрание И. С. Коровкина, сказочница А. С. Кожемякина, сказка, былина, сюжет, вариант.

В 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного омского краеведа Ивана Семеновича Коровкина (1919–1977). И. С. Коровкин работал учителем Больше-Могильной средней школы Любинского района Омской области. Он был человеком широких интересов: страстным собирателем фольклора, создателем школьного музея, состоял в переписке с известными деятелями культуры, поэтами, писателями, бережно хранил их автографы, вел дневник, активно занимался краеведением. Его личности и деятельности посвящен раздел монографии А. С. Ремизова [2018, с. 327–349], написаны и опубликованы статьи и воспоминания [Новоселова, 2017; Махнанова, 2018]. К юбилею Ивана Семеновича Омская областная научная библиотека имени А. С. Пушкина выпустила солидный библиографический указатель, включающий в себя как статьи и публикации самого Коровкина, так и написанное о нем [Иван Семенович Коровкин, 2019]. Однако судьба богатейшего собрания после смерти Ивана Семеновича, как часто бывает, сложилась несчастливым. Часть материалов погибла: сожжена в печи, выброшена за ненадобностью родственниками. То, что удалось сохранить, рассредоточено по разным хранилищам, как то: фонды Государственного исторического архива Омской области, Омского государственного историко-краеведческого музея, Омского государственного литературного музея имени Ф. М. Достоевского (ОЛМ), Краеведческого музея имени И. С. Коровкина в районном центре Любино Омской области, Фольклорного архива Омского государственного педагогического университета (ФА ОмГПУ), личные собрания (в частности, профессора Т. Г. Леоновой), некоторые материалы обнаружались даже в Рукописном отделе Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ) и в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Козлова Наталья Константиновна – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета
Контактная информация: наб. Тухачевского, д. 14, г. Омск, 644099. Тел.: 8-(381-2)-23-37-73, 23-29-94
E-mail: nkf@rambler.ru

Из всего наследия И. С. Коровкина нас в первую очередь интересуют результаты его фольклористической работы. Полного освещения эта сторона деятельности омского краеведа не получила, как и не увидели до сих пор свет все записанные им фольклорные тексты. Долг омских фольклористов – восполнить этот пробел. Над этим мы и начали свою работу. Еще предстоит выявить, собрать воедино, проанализировать, подготовить к печати все имеющиеся в разных хранилищах материалы, решить вопрос о публикации уже подготовленных к печати самим собирателем популярных фольклорных сборников и т. п.

Солидное собрание фольклорных материалов И. С. Коровкина хранится в ФА ОмГПУ. Они являются частью фонда В. А. Василенко, основателя архива и руководителя первых фольклорных экспедиций Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького (ОГПИ; позже – Омский государственный педагогический университет) [Мотовилов, 2015].

Если судить по записям и информации самого Коровкина, то его собирательская деятельность началась в 1938 г. На 1950-е гг. приходится ее расцвет, если так можно сказать. 1951 г. – год первой фольклорной экспедиции ОГПИ и год начала формирования архива. С этого времени собирательская деятельность Ивана Семеновича и фольклорного кружка устного народного творчества ОГПИ (под руководством В. А. Василенко) шла параллельно.

В жанровом отношении записи Коровкина включают: сказки; пословицы, поговорки, скороговорки, загадки; святочные песни; свадебные; хороводные; вечерочные; необрядовые лирические, жестокие романсы; плясовые, шуточные, песни литературного происхождения; исторические, солдатские, тюремные песни; частушки; произведения детского фольклора.

В статье речь пойдет о текстах сказок, записанных собирателем от замечательной сибирской исполнительницы Анастасии Степановны Кожемякиной, рукописи которых хранятся в ФА ОмГПУ.

Нужно сказать, что при жизни Коровкин подготовил к изданию два сборника записанных им от А. С. Кожемякиной сказок. Первый увидел свет в 1968 г. [Сказки Омской области, 1968], а в 1973 г. было его переиздание [Сибирские сказки, 1973]. Текстам публикуемых сказок предшествует одна и та же вступительная статья собирателя о сказочнице и ее сказках. Издание 1973 г. было дополнено новыми текстами, но в него не вошли два текста из предыдущего. Из предисловия мы узнаем, что познакомился собиратель с Анастасией Степановной в 1953 г., когда она проживала в с. Красноярское тогда Ульяновского, а ныне Омского района Омской области. Коровкин отмечает, что за 5 лет его знакомства со сказочницей (видимо, с 1953 по 1957 гг.) он записал от нее 40 сказок. В переиздании 1973 г. вошло 28 текстов. Если прибавить еще 2 текста, не переизданных из первого сборника, то общее число изданных сказок – 30. Необходимо было выяснить, какова судьба остальных десяти.

Анализ рукописей Коровкина из ФА ОмГПУ позволил выявить еще шесть текстов, зафиксированных в те же годы, но нигде не опубликованных (два из них мы даем в Приложении к этой статье). Название еще одного текста – «Как хохол быка в ученье отдал» – упомянуто Коровкиным во вступительной статье. Судьба и названия еще трех сказок пока нам неизвестна. В публикации ОЛМ 2017 г. кроме уже изданной ранее «Суворушки» [Омский литературный музей, 2017, с. 16–26] есть сказка «Иван и его Лебедушка-жена» [Там же, с. 27–31]. Но время ее записи не определено. Т. Г. Леонова дважды публикует текст сказки «Фёдор-коровин сын» [Русские сказки Сибири..., 1977, с. 11–17; Леонова, 2014, с. 282–285], но указано, что записана она от Кожемякиной в 1970 г. (то есть в число выше упомянутых сорока не входит). Вполне возможно, что в последующие годы И. С. Коровкин мог записать от А. С. Кожемякиной еще ряд текстов. Но пока не просмотрены все разрозненные собрания материалов фольклориста, это остается не выясненным.

Публикация фольклорного текста всегда предполагает наличие рукописи (в современное время – аудиозаписи, аналоговой или цифровой). И. С. Коровкин не имел технических средств для фиксации фольклорных произведений, он вел записи вручную. Понятно, что при этом зафиксировать прозаический текст без потерь невозможно, и, переписанный набело, он будет неким сотворчеством собирателя и исполнителя [Смирнов, 1991]. Если собиратель обладает чутьем к народному слову и народной манере сказывания, то его чистовик будет близок к оригиналу. Судя по всему, Иван Семенович таким чутьем обладал. Его рукописи передают и особенности речи исполнительницы, и ее повествовательную манеру. Но не все из 40 сказок, зафиксированных им в 1950-е гг. и подготовленных им же к печати, подкреплены наличием рукописи. В ФА ОмГПУ хранятся рукописи 23 текстов. Как уже сказано выше, шесть из них не опубликованы. Остальные публиковались, некоторые не один раз (например, «Алёна-мудрёна»: [Иван Семенович Коровкин, 2019, № 508, 513]). Коровкин сам делал копии рукописей отдельных текстов (например, рукописи сказок «Суворушка» и «Мышь царство» есть и в ФА ОмГПУ, и в фондах ОЛМ).

А теперь от математических подсчетов перейдем к характеристике сказочного материала, зафиксированного И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной.

О судьбе Анастасии Семеновны, ее манере рассказывать сказки и прочем обстоятельно и тепло Иван Семенович написал в предисловии к своим сборникам. Повторяться не будем. Отметим только, что с. Савиново Большеуковского района Омской области, где родилась сказочница в 1888 г. и от старожиллов которого переняла сказочный репертуар, было русским старожильческим селом, расположенным в районе, который формировался вокруг Московско-Сибирского тракта. В свое время Савиново считалось волостным центром. В настоящее время оно числится в списке исчезнувших деревень [Яшин, Машкарин, 1999, с. 23]. О принадлежности к старожильческому населению свидетельствует говор исполнительницы, главные особенности которого показал Коровкин в своих рукописях и публикациях (стяжение концовок глаголов в 3-м л. ед. ч. (*бегат, прыгат, делат*), *к имя* вместо *к ним*, удвоенное твердое *ш* вместо *щ* и т.п.). Об этом же свидетельствуют и некоторые диалектные слова, присущие русским старожилам Сибири (например, сундук называли *яшшык*, колдунья именовалась *волхиткой*, ряженые – *шуликунами*¹).

К сожалению, сведений о том, откуда были деды и прадеды Анастасии Степановны, нет. Остается предполагать, что они могли быть из Восточной части Русского Севера, выходцами из которой, по мнению исследователей, формировалось преимущественно русское старожильческое население Сибири.

Коровкин пишет о том, что сказки Анастасия Степановна переняла от деда по отцу Ивана Калинина, дяди Николая Ивановича Калинина, но в большей степени от своей матери Ульяны Ивановны. «Последняя, – отмечает Коровкин, – видимо, была незаурядной сказочницей, и послушать ее сказки приходили многие. “Полна изба к нам набиралась, – вспоминала А. С. Кожемякина, – мужики на полу, на лавке, бабы пряли. Отец любил слушать сказки, а сосед – Ситников Иван, когда был дома, каждый вечер ходил слушать”» [Сибирские сказки, 1973, с. 5]. Сама Анастасия Степановна начала рассказывать сказки с 15 лет: сначала девчонкам и мальчишкам, а затем, по словам сказочницы, «когда стала бабой, – всем жителям села» [Там же]. «Где она их только не рассказывала! – восклицает далее И. С. Коровкин. – И в избе за пряхкой, за шитьем, и у двора – на лавочке, на бревне – в праздничный день, и в бане, когда летом вечером бабы “куделю чесали”, и на гулянках... “По полной избе было, – говорила Анастасия Степановна, – <...> Рассказываешь, а сама работаешь. Вечер посидишь и полумотник нарядешь”» [Там же, с. 6].

В рукописном комментарии к одному из сказочных текстов И. С. Коровкин пишет: «Анастасия Степановна с детства слышала сказки от родителей, от деда и бабки. “Мать каждый вечер сказывала, теперь я и днем, и вечером сказываю”. Сказочницу охотно слушают и дети, и взрослые. Анастасия Степановна даже на гулянках рассказывает. “У Серденко гуляли, я им сказки весь вечер сказывала”» (ФА ОмГПУ: Р-37 (К-19/53, № 1)).

Эти заметки показывают, что конец XIX – начало XX в. – время активного бытования сказки. В северных селах Прииртышья оно, видимо, продолжалось вплоть до середины XX столетия (1950-е гг.). Об этом свидетельствуют сказочные «урожаи» первых фольклорных экспедиций ОГПИ [Сказки, пословицы, загадки, 1955] и в том числе замечание Коровкина о том, что А. С. Кожемякину рекомендовали в 1953 г. как хорошую сказочницу в нескольких домах с. Красноярское, куда она переехала из Савиново после 1935 г. О сохранности сказочной традиции в названный период пишет и сам собиратель: «Несмотря на изменения, которые претерпела старинная русская сибирская сказка под влиянием новых форм жизни, о чем свидетельствуют уже собиратели 20-х годов, в деревнях и селах Западной Сибири еще живет традиционная сказка, сохраняясь в лучших своих образцах в творческой памяти одаренных сказочников» [Сибирские сказки, 1973, с. 7].

И. С. Коровкин отмечает также, что «в репертуаре Кожемякиной волшебная сказка сохранилась во всей своей классической стройности и традиционном оформлении» [Там же]. Причину этого он видит, в первую очередь, в ее любви к сказке и «бережном отношении к ней как к целостному художественному организму» [Там же].

В целом соглашаясь с выводами собирателя, слышавшего звучание сказок А. С. Кожемякиной вживую, позволим себе высказать свои соображения по поводу «целостного организма» сказки (если понимать его как сохранность целостности сюжета) уже на основе знакомства с записанными текстами (при этом мы не допускаем мысли о том, что собиратель мог позволить себе что-то кардинально менять в сказочном повествовании).

---

¹ *Шуликун* – мифическое существо с остроконечной головой, появляющееся в деревнях из проруби в святочный период.

Погружение в чтение сказок, зафиксированных от А. С. Кожемякиной, убедило нас в том, что они отражают процесс бытования сказки в *устной* традиции в репертуаре одного из ее носителей. Коротко этот вывод можно сформулировать в выражении «сказка-складка». Из теории былинного эпоса мы, например, знаем, что носитель былинной традиции = исполнитель былин не старается запомнить весь текст эпической песни целиком. Ему достаточно обладать набором эпических формул, приемов создания образов, знанием сюжетных ходов, последовательности эпизодов, владением особой манерой подачи материала и т. п. специфических свойств, формирующих мастерство эпического сказывания, чтобы «складывать» эпический текст каждый раз заново. Оттого каждое новое исполнение одной и той же былины – это передача нового варианта, теми или иными чертами отличающегося от предыдущего.

Но также живут в устной традиции и другие фольклорные жанры, и не только повествовательные, но и песенные (особенно обрядовые). Носители традиции обладают неким «багажом», или набором специфических для того или иного жанра элементов (поэтических, содержательных), сюжетных повествований, образов, мотивов и эпизодов, содержательных формул, чтобы из них *складывать* текст в момент его воспроизведения.

Сказки А. С. Кожемякиной прекрасно эту особенность устного бытования сказки демонстрируют. Например, из сказки в сказку переходят у нее одни и те же имена героев. Если это герой-царевич, то, как правило, он – Иван. Для сказочных царевен это чаще всего – Александра-царевна, затем Марфа-царевна и Марья-царевна.

Из «Морфологии сказки» В. Я. Проппа мы знаем, что сказка использует в своих сюжетах набор персонажей, имеющих свою определяющую функцию (герой, ложный герой, даритель и т. д.), что существует определенная последовательность проявления функций. Знаем также, что есть застывшие сказочные эпизоды, кочующие из сказки в сказку (например, встреча с бабой Ягой). Но это общие закономерности сказочного повествования.

В сказках А. С. Кожемякиной, естественно, вся эта специфика есть. Но вместе с тем она свободно перемещает из сказки в сказку эпизоды или мотивы, связанные в традиции с определенным типом сюжета. Например, в целом ряде сказок царевны (или царевна), которых спасает или выручает герой, перед отправкой с ним в его родное царство сворачивают свой терем или подворье в яичную скорлупу и забирают с собой (по принципу: чего ж добру-то здесь пропадать?). В сказке «Водяной царь» (основной сюжет – «Чудесное бегство» [СУС, 313С]) героиня, выполняя за Ивана задания, делает это с помощью волшебного кольца, которое она перекидывает с пальца на палец, и арапа, выскакивающего после этих манипуляций. Хотя она сама обладает волшебными свойствами (ФА ОмГПУ: Р-39, № 4; [Сказки Омской области, 1968, с. 19–26; Сибирские сказки, 1973, с. 41–50; Русские волшебные сказки Сибири, 1981. С. 221–229]). Тот же арап из кольца фигурирует и в ее сказке «Мышь царство» (сюжет типа «Волшебное кольцо» [СУС, 560], но очень отличающийся от традиционной версии) (ФА ОмГПУ: Р-39, № 1; [Сказки Омской области, 1968, с. 45–53; Сибирские сказки, 1973, с. 74–86]).

В сказке «Ополон-царевич» (ФА ОмГПУ: Р-37 (К-20/53, № 1); [Сказки Омской области, 1968, с. 11–18; Сибирские сказки, 1973, с. 30–41; Русские народные сказки Сибири о богатырях, 1979, с. 167–176]) использованы элементы из разных сюжетов. На это обращает внимание Р. П. Матвеева в комментариях к тексту, опубликованному в сборнике «Русские народные сказки Сибири о богатырях». Она отмечает, что в основе сюжета лежит распространенный сюжет «Победитель змея» [СУС, 300А], «но в ней использованы отдельные мотивы, целые эпизоды из других сказок, что придает повествованию своеобразие». Далее Р. П. Матвеева говорит, что появление героя в малахае и в соплях, нежелание называть свое имя – из сюжета «Незнайка» [СУС, 532]. Во вступительном эпизоде использован мотив сюжета «Чудесные дети» [СУС, 707] – рождение ребенка «по локоть руки в золоте» [Русские народные сказки Сибири о богатырях, 1979, с. 287].

Таким образом А. С. Кожемякина, «складывая» ту или иную сказку, свободно достает из своего сказочного «багажа» любой элемент, образ, сюжетный эпизод и т. п.

Однако в этот «багаж» входят не только сказочные, но и былинные эпизоды, формулы, элементы. И выражается это не в том, что в ее репертуаре есть сказка, представляющая собой переделку былинного сюжета («Поток Михайла сын Иванович»), но в том, что она свободно при «складывании» очередной сказки обращается к былинным элементам. Например, в ряд сказок вводит былинный эпизод седлания богатырского коня. Так, Ополон-царевич «выводит коня, кладет на него потники, на потники – коврики, на коврики – ковры сорочинские, подтягал 12 подпруг шелковых, вставал вальяшно, сажился черкацко, брал с собой меч-кладенец, копы борзумецко...» (ФА ОмГПУ: Р-37 (К-20/53, № 1)). То же слово в слово – в сказке «Суворушка». А оседланный конь «выше лесу подымается, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего» (ФА ОмГПУ: Р-39, № 2; [Сибирские сказки, 1973, с. 11–29;

Омский литературный музей, 2017, с. 16–26]). В «багаже» сказочницы явно осталось воспоминание и о былинной формуле размахивания Ильей Муромцем в бою татаринном, пробивания им «улочек» и «переулков» в строю врагов. Только в сказке «Поток Михайла сын Иванович» сказочница своеобразно ее интерпретирует: «И заехал он в султанское царство. Где ехал улицей, где переулком и сколько татар прибил, дорогу себе расчищал. Татаринном татарина бьет и сашкой секёт, всё-таки себе путь держит». Интересна здесь замена турков былинными татарами. Рассказчица разницы не видит: ведь в былинах фигурируют именно татары, поэтому они и перетянуты в сказку. Есть здесь и эпизод седлания коня (которого в вариантах былин о Потыке нет, но есть в былинах об Илье Муромце). Своеобразна и интерпретация имен героев. Если в былине – Михайло Потык, то здесь он Поток Михайла, да еще и сын Иванович. В былине – Марья-Лебедь белая. А здесь – Афимья. Сразу же выделяется ее злодейская сущность: отчество у нее – Злоидовна. То, что она – оборотень: может обернуться и ланью, и лебедью, в сказке вообще не упоминается (ФА ОмГПУ: Р-40, № 4; Сказки Омской области, 1968, с. 70–75; Сибирские сказки, 1973, с. 110–117)).

Текст учтен Ю. И. Смирновым в его указателе былин [Смирнов, 2010] в разделе V. «Герой и девушка из иного мира» под номером 3 «Михайло Потык». Конечно, текст Кожемякиной во многом расходится с былиной «Михайло Потык» и является очень вольной ее интерпретацией с добавлением чисто сказочных сюжетных коллизий.

В связи с этим возникает вопрос: знала ли Кожемякина саму былину, или в ее репертуаре изначально (то есть так и переняла) была сказочная интерпретация? Но то, что данный текст сложен кем-то из сказочников, в «багаже» которого были былины, – несомненно. Принято считать, что на территории Западной Сибири былины не бытовали – не было переселившихся сюда носителей традиции. Опроверяют ли сказки Кожемякиной это устоявшееся мнение, или сказочный репертуар, который она переняла, сложился еще в памяти ее предков на Русском Севере, сейчас установить вряд ли возможно.

В «багаже» сказочницы, – а, скорее, ее предшественников – явно были образы, эпизоды, сюжетные коллизии из авантурных повестей или романов, отсюда в сказках появляются экзотические имена: Ополон-царевич, Сингей-попович, Любищий Игей. Иногда само повествование напоминает авантурную повесть, на что обратила внимание Р. П. Матвеева в комментарии к сказке «Ополон-царевич» [Русские народные сказки Сибири о богатырях, 1979, с. 287].

Особенно ярко нетрадиционное для сказки содержание проявилось в тексте «Про Ивана-царевича» (ФА ОмГПУ: Р-40, № 9; [Сказки Омской области, 1968, с. 38–44; Сибирские сказки, 1973, с. 66–74]). Сходство с авантурной повестью начинается с самого начала: в одном городе правят царь и король. Сын царя Иван-царевич торгует в лавочке. Некрасивая дочь короля обманом заманивает царевича к себе и вынуждает его обручиться с ней. Царевич вместе с сестрой убегают из дома. Далее повествование идет по типу сюжета «Звериное молоко», только царевича посылает на выполнение смертельно опасных задач не мать, а сестра, которая слюбилась с разбойником. Выполнить трудные задачи герою помогает старушка-волшебница, с одной из дочерей которых царевич обручается. Царевич не наказывает злоумышленников, а они выгоняют его и лишают зрения. Далее в сказку вплетается легендарный персонаж – пустынный, у которого живет слепой царевич. Традиционная сказка не знает второго плана. Действие развивается однолинейно. А здесь есть второй план: во время приключений Ивана его ищут и королевна, и старушка с дочерьми. Вообще линия королевны очень уж надуманная и явно принадлежит фантазии или Кожемякиной, или того, у кого она эту сказку переняла. В конце сказки королевна находит царевича, он убегает. Вплетаются еще легендарные мотивы: неотвратимость судьбы и молитва царевича к Богу о возвращении зрения, если он женится на королевне. Волшебница отказывается от нареченного зятя, так как он обещан другой. И бедному царевичу, к которому зрение вернулось, ничего не остается делать, как жениться на некрасивой дочери короля. Таким образом, все содержание сводится на нет: зачем было переживать все эти ужасные испытания, если в итоге царевич все-таки женится на той, от которой бежал и из-за которой ему пришлось все это пережить. Для классической сказки характерен счастливый конец, в этом тексте концовка не традиционна.

Характеризуя сказки А. С. Кожемякиной, нельзя не сказать о своеобразии ее контаминаций. Создается впечатление, что эти контаминации обусловлены той же спецификой устного бытования. Интерес аудитории, потребность за работой или на досуге слушать сказки требовали от рассказчицы длительных, занимательных повествований. Отсюда – соединение в один текст разных сюжетных коллизий, объединенных общими образами. Часто эти соединения искусственно притянуты друг к другу. Так, в сказке «Суворушка» (ФА ОмГПУ: Р-39, № 2) искусственно соединены сюжеты «Медный лоб» [СУС, 502] (в нашей сказке – это сюжет о Булате-молодце); сюжет «Пойди туда, не знаю

куда» [СУС, 465А]. В последний вставлен сюжет «Победитель змея» [СУС, 300А] (в нашей сказке – Идолище). Герой всех трех сюжетов – Иван-царевич. Сказочница искусно вставляет детали в последующий сюжет из предыдущего, объединяя их в единое повествование. Так, Иван-царевич срубает головы Идолищу при помощи меча-самосека, приобретение которого происходит в первом сюжете. Тем не менее искусственность соединения очевидна. И таких примеров из репертуара А. С. Кожемякиной можно привести множество. Мы не можем определенно сказать, сама ли сказочница контаминирует сюжеты или она в таком виде переняла сказки от своих предшественников, но в ее повествованиях есть детали, которые уже непосредственно относятся к ее творчеству. Например, явные анахронизмы. В названной сказке, например, из волшебного рога, по приказанию его обладателя, выскакивают красноармейцы. И сказочница совершенно не чувствует этой несуразицы.

Много несуразностей и в сказке «Козлы» (ФА ОмГПУ: Р-39, № 6; [Сказки Омской области, 1968, с. 66–69; Сибирские сказки, 1973, с. 105–110]). В «Сравнительном указателе сюжетов» под индексом 430 учтен тип сюжета «Муж-осел (баран, козел, пес)» [1979]. Но с этим типом в сказке Кожемякиной схожи только некоторые детали: муж в зверином облике, героиня не противится своей участи, героиня отправляется на поиски исчезнувшего мужа.

Само повествование представляет собой смесь из разных сказочных и несказочных повествований: кое-что явно перетянута из сюжета типа «царевна-лягушка»: выбор мужей тремя дочерьми, приезд на отцовский пир. Но много и такого, что говорит или о фантазии самой исполнительницы, или о разрушении традиционного сюжета. Не объяснено, откуда вообще взялся юноша-козел. Совершенно непонятно, откуда и зачем у козла-царевича взялся брат Василий-царевич. Для развития действия это совсем не нужно: он никакой роли не играет. А потом вообще куда-то исчезает, и о нем во второй части сказки не упоминается. Довольно странен для традиционной волшебной сказки эпизод о том, что на пиру Иван-царевич схватил свою суженую за грудь, а она в ответ дала пощечину (явно отдает бульварным романом). Более того, это и послужило причиной отъезда Ивана-царевича в тридевятое царство. Неизвестно откуда взят довольно грубый эпизод у бабы Яги, который в других сказках не встречается: Яга «пёрнула – стол поддернула, бзднула – шей плеснула, подолом потрясла – калачей нанесла». Странно и то, что в тридевятом царстве Иван-царевич становится мужем одной из сестер бабы Яги и наживает с ней двоих детей. Ну, и, наконец, расстрел им своей бывшей семьи на воротах – это вообще уже из реальности событий Гражданской войны.

Во вступительной статье к сборникам И. С. Коровкин много места уделяет анализу поэтической стороны сказок А. С. Кожемякиной [Сибирские сказки, 1973, с. 7–9], их своеобразии и оригинальность отмечает в комментариях к публикациям Р. П. Матвеева.

На наш взгляд, необходимо отдельное полное издание этого сказочного наследия с научными комментариями к каждому тексту.

Список литературы

- Иван Семенович Коровкин (к 100-летию со дня рождения): Библиогр. указатель / Ом. гос. обл. библиотека им. А. С. Пушкина; сост. О. П. Леонович; авт. вступ. ст. А. В. Ремизов. Омск, 2019. 121 с.
- Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора. Омск, 2014. Ч. 1. 336 с.
- Махнанова И. А. Районное измерение Омского краеведения: к вопросу изучения наследия В. С. Аношина, Н. Ф. Чернакова, И. С. Коровкина // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 38–40.
- Мотовилов В. А. Воспоминания о В. А. Василенко // Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2015. С. 26–38.
- Новоселова Л. В. «Это было недавно, это было давно...» (воспоминания об Иване Семеновиче Коровкине с письмами и комментариями // Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования / Сост. И. А. Махнанова, С. Е. Рудницкая. Омск, 2017. Вып 4. С. 10–13. URL: <http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/new-exhibitions/505-sbornik2017> (дата обращения: 25.09.19).
- Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования / Сост. И. А. Махнанова, С. Е. Рудницкая. Омск, 2017. Вып. 4. URL: <http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/new-exhibitions/505-sbornik2017> (дата обращения: 25.09.19).
- Ремизов А. В. Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории: Монография. Омск, 2018. 3-е изд., испр. и доп. 448 с.
- Русские волшебные сказки Сибири / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой. Новосибирск, 1981.

Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост., коммент., предисл. Р. П. Матвеевой. Новосибирск, 1979.

Русские сказки Сибири для детей младшего возраста / Сост. Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1977.

Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. Новосибирск, 1973. 2-е изд, доп.

Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной. Новосибирск, 1968.

Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области / Сост. В. А. Василенко. Омск, 1955.

Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010. 280 с.

Смирнов Ю. И. Достоверность фольклорного текста // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. Якутск, 1991. С. 6–22.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. 437 с.

Яшин В. В., Машкарин М. И. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. Омск, 1999. 231 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Как Марфа-царевна была стегана кнутом и стала замужем за царем

Был-жил царь. У этого царя была дочь Марфа-царевна. Она как одна была у отца, он её любил, взял запряг лошадей в карету, взял кучера, они поехали в чисто поле разгуляться.

Ну, и вот она день съездила, два съездила, на третий день поехала. И вот перед ними образовался человек. Как они поедут скоро – он скоро, как они остановятся – он остановится. Она и говорит кучеру: «Ну-ка, кучер, пойдешь догони, спроси, кто он такой». Кучер выскочил, догнал его и вот спрашивают: «Што, – гварт, – за человек?» – «Я, – гварт, – раб божий». Ну, слуга приходит и говорит: «Он сказал, што раб божий». Она посылает: «Беги, спроси, кака будет Марфе-царевне судьба?»

Он подходит: «Раб божий, скажи, кака будет Марфе-царевне судьба?» – «Будет она стёгана кнутом да замужем за царём». Кучер приходит, сказывают: «Он мне говорит, што ты будешь стёгана кнутом да замужем за царём». Марфа-царевна сразу сказала: «Верни, кучер, лошадь домой».

Приезжат она, стало ей нехорошо, што царска дочь будет стёгана кнутом да замужем за царём. Стала отцу говорить: «Тянька, знаешь ты, – гварт, – всяки услуги для меня делаешь, сделай ещё. Я не видала, што это за пожар, зажги что-нибудь» (уж задумала сгореть).

Ну, отец исполнил её желание: там избушку где-то наедине купил, да слуги зажгли, а она с этим же кучером поехала этот огонь поглядеть, пожар. И вот приехали. Она: «Поближе, поближе подъезжай». Как поближе подъехал, она встала на ноги – хлоп в огонь! Все заревели: «Царевна сгорела, царевна сгорела!» И сами не знают, из-за чего. И царь тут расстроился.

И вот волшебники не допустили её, унесли на тропинку, далеко от царства. А она как спала ровно, пробудилась, встала, перекрестилась: «Што такое? Падала в огонь, а образовалась в лесу?»

И вот она пошла этой тропинкой. Вывела её тропинка в друго царство. Она пришла и выпросилась к бабушке-задворенке на фатеру. Ну, и питаться нечем. Она пошла, купила сколько-то шёлку на базаре, выткала парчу и понесла на базар продавать.

А Иван-царевич как раз чё-тог угодился на базаре, увидел эту парчу и у неё купил. И сказал: «Што, – говорит, – ты не можешь ли мне шляпу связать, штобы в церкви обедню служить можно было в ней?» Она говорит: «Как не могу? Могу». Он посылает слуг, те приносят шёлк и говорят, штобы коло одной ночи шляпа была готова, заутро штобы Ивану-царевичу можно службу служить в этой шляпе.

Ну, и она всю ночь просидела, эту шляпу провязала. Утром связала, на стол поставила и уснула. А волшебники взяли, поддели шляпу и унесли, на алтарь положили. А шляпа была така красивая, што зрел бы, смотрел, очей не сносил.

Слуги прибежали за шляпой утром. Марфа-царевна посовалась-посовалась – нигде нету. Ивану-царевичу сказали: «Шляпу приготовила, но нигде не нашли». Ну, и царь сказал: «Сходите, её плетью отдерите, накажите». Пришли, Марфу-царевну отодрали плетью.

Иван-царевич пришёл в церковь, а шляпа на престоле стоит. Вот он обедню отслужил, пришёл и Марфу-царевну за себя взял (она была красавица). И стали жить да живота наживать.

Комментарий к сказке «Как Марфа-царевна была стёгана кнутом и стала замужем за царём»

ФА ОмГПУ: Р-40, № 12. Зап. И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной, 1888 г. р., уроженки с. Савиново Большеуковского района Омской области, в г. Омске в 1957 г.

Создается впечатление, что сюжет сказки или предельно свернут, или наскоро «слеппен». Странно появление «раба божьего» и сам легендарный мотив «от судьбы не уйдешь» в волшебной сказке. Странны какие-то «волшебники», которые спасают Марфу из огня и делают так, чтобы ее высекли. Зачем? Только для того, чтобы сбылось предсказание «раба божьего»? Эти эпизоды явно не вяжутся с традиционной сказкой. Странен сам эпизод задуманного Марфой самоубийства – броситься в огонь, который по ее же просьбе «моделирует» ее отец. Ну и, конечно же, удивление вызывает само поведение Ивана-царевича. Сказка в данном случае унижает достоинство героини: сначала ее высекли по приказу царевича ни за что, ни про что, а потом он же ее облагодетельствовал – женился на ней. Хотя героиня и красавица, и искусница. Традиционная сказка так с главными положительными героинями не поступает. Обычно, если ей и суждено пройти тяжкие испытания, то они случаются из-за козней отрицательных персонажей или по воле случая, а суженый в таких истязаниях оказывается неповиновен. А если и косвенно повинен (например, героиня отправляется на поиски исчезнувшего суженого), то она виновата в этом сама. А здесь героиня совсем не заслужила такого обращения. Происходит все только согласно предсказанию.

В СУС под индексом -736 В* «Царевнина Талань» есть похожие мотивы: царской дочери предсказано при рождении, что она будет вожена по базару и сечена кнутом. А далее – приключения девушки, согласно канонам волшебной сказки. Здесь и баба Яга, и добрые старушки. Здесь жемчужину (в нашем тексте шляпу) уносит ворон, а не какие-то непонятно откуда взявшиеся «волшебники». Здесь царь не повинен в наказании девушки. Ее наказывает суд. А он женится на ней, так как она отдает ему то, что он безуспешно долго искал. Этот индекс помещен в раздел «Прочие чудесные мотивы». В разделе сказок о судьбе (легендарные сказки) подобной аннотации нет.

Можно, видимо, сделать вывод, что сказочница или сама сложила такой текст, помятуя о слышанном когда-то традиционном, или переяла уже такой, переделанный ее предшественниками.

О трёх братьях

Были-жили три брата. Два жили на кухне с жёнами, а третий брат Ванюшка – в комнате с матерью, холостой был.

Ну, вот однажды они ходили молотить. Пришли, сидят завтракают на кухне. А у них было крыльцо переднее и заднее. Мать пошла в то время на двор. А Ваня и говорит: «На задне крыльцо у нас ходит лиса. Надо поставить петлю». А братья ему: «Вот дурак, поставит петлю, мать ходит, а ты задавишь её».

Он взял, недолго думал, эту петлю поставил на задне крыльцо. Ну, и мать пошла на двор, попала в петлю да задавилася. Братья плачут, ругаются. А он недолго думал, взял лошадь запряг, мать нарядил в пальто, в шаль, посадил рядом с собой и поехал. А снег глубокий был, своротить нельзя было, и он поехал такой дорогой, где обозы ходят. Купец попадет ему с товаром и говорит: «Сворачивай!» А Ванька: «Да ты едешь один, а мы два человека!» Не сворачивает. Купец подскочил, хотел ударить по Ваньке. А ударил по матери. Мать-то пала. Ванька закричал: «Убил! Убил!» Купец увидел, что она мертвая, испужался: «Не кричи, милый человек. На вот тебе воз самолучшего товару, вези, хорони мать». Ванька запряг этот воз, мать положил, поехал домой.

Приезжат домой, братья глаза вылупили, что столько товару привёз. «Теперь, – говорит, – братья, давайте мать хоронить». Вот схоронили мать. Они спрашивают: «Где ты взял столько товару-то?» – «А я, – гварт, – ездил под окошком, ревел: “Кому не надо ли мёртвых баб?” Мне выносили, товару давали, платье».

А у братьев-то детей не было, одни жёны были. Они взяли жён-то убили, да нарядили, да и повезли. Везут, народ-то кто плачет, кто ругает их. Возили, возили, никого не набрали, хоронить надо.

Покуда жён хоронили, Ванька взял в комнате печку свою изломал, кирпичи-то в короб склал и рожей завязал, и поехал той же обозной дорогой. Идёт обоз с товаром: «Отворачивай, у тебя подвода одна, а у нас много!» – «Да вы везёте простой товар, а у меня драгоценны камни». Купец обзарился: «Ты где эти драгоценны камни взял? Давай, – гварт, – со мной на любой воз товару сменям, только посмотрим, што за камни» – «Нет, я уж развязывать не буду, ежели хочешь, то давай так сменям». Ну, вот они и сменяли. Перепрягли коней.

Ванька приезжат опять с товаром домой. Давай те спрашивать: «Ты где опять товару взял?» – «Да я ездил, под окошком спрашивал: “Кому кирпичей-печины надо?”»

Братья взяли, печи изломали и повезли на конях. Ревут: «Кому печины надо?» Над ними давай смеяться, ругать их: «Жён возили и печину повезли!» Ну, и они нигде продать не могли, взяли за деревню вывалили эти кирпичи. Пришли домой и говорят: «Што мы теперь будем делать? Жён нет, печей нет. Давай мы от Ваньки сбежим». Насушили сухарей и караулят, когда он уйдёт. А он их караулит. Вот они куда-то отстранились, он взял хлеб выклат, а сам залез в мешок и завязался. Они приходят и говорят: «Ваньки-то нету-ка» Схватили мешок да побежалт. Бегут, торопятся, чтобы он их не увидел. А он и кричит в мешке помаленьку: «Братья, дождите!» А они: «Ох, где-то увидел – кричит!» Ходу прибавляют, в кустах прячутся.

Неизвестно, сколько убежали. Пришли в урман, бросили мешок-от на пол – пристали. «Ну, теперь, – гварят, – он нас не найдёт. А он в то время из мешка-то вылезат, захохотал. А они: «Ох, Ванька, Ванька, сколько мы тебя ташишили, надсажались». Ну, и говорят: «Теперь темнятся, а хлеба нет». А он: «Ну, да как-нибудь ночуем» – «А где, – гварят, – ночевать-то?» – «Вон дуб стоит, ночуем». Ну, вот они нашли двери, заташишили на этот дуб и сами залезли.

А к этому дубу подошли разбойники и вздумали варить кашу. Этот Ванька на дубу сидит и говорит: «Ох, я, ребята, помочиться хочу» – «Вот дурак, там разбойники, а он захотел!» Начал прямо на них. А они говорят: «Ровно ясно, а дождичек брызжет». Посидел макленько, взял да двери-то стихнул. Разбойники испугались и убежали.

Он слазит, Ванька, и давай кашу мешать. Разбойник один воротился и говорит: «Чё, уварилась каша-то?» (он не понимает, што это Ванька сидит). А Ванька говорит: «Выпяли язык, я тебе ложу каши-то на язык, попроведашь, уварилась или нет». Тот выпялил, он бритвой отрезал ему язык-от. Разбойник побежал, заревел дорогой. И все разбойники убежали.

Братья наелись каши и домой ушли. «Мы, – гварят, – дома останемся, а ты ехай на базар, вот этого купи да этого купи».

Он поехал на базар. Набрал корчаг, мяса, купил стол – целый воз набрал. Едет домой. Вороньё ревет, каркат, летат. Он и говорит: «Вон сколько сестёр-то летат». Взял да мясо им выбросил: «Поминайте маменькину душу». Вот опять пеньки стоят. Он говорит: «У-у-у, сколько братьев-то без шапок стоят!» Взял да все горшки надел им. Под гору стал спушиаться, а ложки в кармане. Он бегом побежал, они забрякали. «Гы, я их хороню, а они говорят: “Дурак, дурак”». Взял да их выбросил. На гору поднялся и говорит: «У меня две ноги, я пешком иду, а у стола четыре, он едет». Взял стол-от снял да поставил на дорогу: «Ну, чё ты стоишь? Замёрзнешь, так пойдёшь».

Вот приезжат домой, братья у его спрашивают: «Чё, – гварят, – купил?» – «Мясо купил, горшки купил, ложки, стол» – «А где, – гварят, – мясо?» – «Да сестёр-то сколько, сорок-то летат, я им отдал мясо» – «А горшки где?» – «Братья, – гварт, – стоят без шапок, я надел на них» – «А ложки где?» – «А я под гору побежал, а они в кармане: “Дурак, дурак!” Я их выбросил» – «А стол, – гварят, – где?» – «Да-а, у меня две ноги – я шагаю, а у него четыре – он едет. Я взял его поставил на дороге. Замёрзнет, так придёт» – «Ты, – гварят, – Ванька, дом да пиво у нас карауль, а мы поедем, хоть стол захватим».

Поехали, ничё не нашли, сызнова поехали на базар покупать.

А он в то время взял в ограде яму-то выкопал, пиво сносил в яму, сам сял под окошко, глядит в окно. Братья едут, он выскочил: «Тут смотрите, в пиво-то не заехайте!» – «Дурачок, ты чё наделал?!» – «А чё? Там, – гварт, – не видно его караулить, а тут я сижу под окошком караулю» – «Вот, – гварят, – дурак, совсем нас разорил, куда мы от тебя деваемся?»

На этим и сказка кончилась.

Комментарий к сказке «О трёх братьях»

ФА ОмГПУ: Р-40, № 6. Зап. И. С. Коровкиным от А. С. Кожемякиной, 1888 г. р., уроженки с. Савиново Большеуковского района Омской области, в г. Омске в 1956 г.

В СУС нет аннотации, под которую бы полностью подходило сюжетное действие. В разных индексах есть сходные эпизоды или мотивы. Так, например, в индексе 1685А*=1685 I – дурак ставит

капкан около дома, в капкан попадает мать (он убивает мать). Только в сказке Кожемякиной, похоже, Ванька делает это не по дурости, а, наоборот, – с расчетом, чтобы избавиться от матери, с которой он живет в одной комнате. В индексе 1527 – сходен эпизод с напуганными разбойниками, которые убегают, оставив награбленное. Только пугает их Ванька по-другому. В индексе 1537 – сходен эпизод, когда «дурень» везет убитую им самим мать и обманывает людей, обвиняя их в ее смерти. За это получает отступные. Других мотивов и эпизодов данной сказки в СУС не найдено. Возможно сказывается несовершенство (неполнота) аннотаций СУС. Вполне возможно, что сказочница что-то добавила и от себя. В тексте явное противоречие в трактовке образа младшего брата. В первой части он выступает как ловкий человек, мошенник, который наживается на подстроенных им ситуациях, обманывает братьев, заставляя их совершать непотребные поступки, не дает им убежать от него, пугает разбойников. И явно во многих ситуациях поступает умно и сознательно. А во второй части выступает полным дураком, отдавая воронам купленное мясо, пням – горшки, выбрасывая ложки, так как ему кажется, что они называют его дураком и т. п. Когда читаешь про такие его действия, ждешь, что он это подстраивает специально для очередного своего обмана. Но в конце сказки выясняется, что делает это по собственной дурости. Такая «складка» говорит опять же о «сборке» повествования из эпизодов разных сказок.

N. K. Kozlova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation; nkf@rambler.ru

The fairy-tale repertoire of A. S. Kozhemyakina collected by Omsk local historian I. S. Korovkin (based on materials of the folklore archive of the Omsk State Pedagogical University)

The article is devoted to the analysis of fairy-tale material from the folklore collection of the Omsk local historian I. S. Korovkin whose wide collection of folklore materials is stored in the folklore archive of the Omsk State Pedagogical University. The article will focus on the texts of fairy tales written by a collector from a Siberian performer Anastasia Stepanovna Kozhemyakina, manuscripts of these recordings are stored in the folklore archive of the Pedagogical University. Of the 40 fairy tales recorded by Korovkin from the performer, the author of the article was able to identify (from archival records and published materials) 36 texts. The repertoire represents the Russian old-time tradition of Siberia. Tales by A. S. Kozhemyakina reflect the process of the existence of a folklore text in the oral tradition (which is typical for the late XIX - early XX centuries). The bearers of the tradition have a certain “baggage” or a set of elements specific for a particular genre (poetic, content) in order to “form” a text from these elements when reproducing it. “Forming” a fairy tale, Kozhemyakina takes out any element, image, plot episode, etc. from her fairy-tale “baggage”. It includes not only fairy-tale, but also epic episodes, formulas, elements, as well as images, plot conflicts from adventure stories or novels. Fairy-tale contaminations are also peculiar. They are as well due to the specifics of the oral existence of fairy tales. A special publication of this fairy-tale heritage with scientific commentary on each text is needed.

Keywords: Russian old-timer’s tradition of Siberia, Folklore archive of the Omsk State Pedagogical University, folklore collection of I. S. Korovkin, storyteller A. S. Kozhemyakin, fairy tale, epic, plot, variant.

References

Ivan Semenovich Korovkin (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya): Bibliogr. ukazatel' [Ivan Semenovich Korovkin (on the 100th anniversary of his birth): Bibliogr. index]. Om. gos. obl. biblioteka im. A. S. Pushkina; comp. O. P. Leonovich; prolusion by. A. V. Remizov. Omsk, 2019, 121 p. (In Russ.)

Leonova T. G. Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora [Problems of studying the regional folklore]. Omsk, 2014, pt. 1, 336 p. (In Russ.)

Makhnanova I. A. Rayonnoe izmerenie Omskogo kraevedeniya: k voprosu izucheniya naslediya V. S. Anoshina, N. F. Chernakova, I. S. Korovkina [The regional dimension of Omsk regional studies: on studying the heritage of V. S. Anoshin, N. F. Chernakov, I. S. Korovkin]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Herald. Series: Society. Story. Modernity]. 2018, no. 2, pp. 38–40. (In Russ.)

Motovilov V. A. Vospominaniya o V. A. Vasilenko [Memoirs about V. A. Vasilenko]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy XXIII nauch.-prakt. seminarov Sibir. region. vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk Culture of Siberia: Proc. of the XXIII research-to-practice seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore Studies]. Ed. T. G. Leonova. Omsk, 2015, pp. 26–38. (In Russ.)

Novoselova L. V. «Eto bylo nedavno, eto bylo davno...» (vospominaniya ob Ivane Semenoviche Korovkine s pis'mami i kommentariyami) [“It was recently, it was a long time ago ...” (memories about Ivan Semenovich Korovkin with letters and comments)]. In: *Omskiy literaturnyy muzey. Teksty. Materialy. Issledovaniya* [Omsk Literary Museum. Texts. Materials. Research]. Comp. I. A. Makhnanova, S. E. Rudnitskaya. Omsk, 2017, iss. 4, pp. 10–13. URL:

<http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/new-exhibitions/505-sbornik2017> (data obrashcheniya: 25.09.19). (In Russ.)

Omskiy literaturnyy muzey. Teksty. Materialy. Issledovaniya [Omsk Literary Museum. Texts. Materials. Research]. Comp. I. A. Makhnanova, S. E. Rudnitskaya. Omsk, 2017, iss. 4. URL: <http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/new-exhibitions/505-sbornik2017> (data obrashcheniya: 25.09.19). (In Russ.)

Remizov A. V. *Omskoe kraevedenie 1930–1960-kh godov. Ocherk istorii. Monografiya* [Omsk regional studies in the 1930–1960s. Essay on the history: Monograph]. Omsk, 2018, 448 p. (In Russ.)

Russkie narodnye skazki Sibiri o bogatyryakh [Russian folk tales of Siberia about the bogatyrs]. Comp., comment., prolusion by R. P. Matveeva. Novosibirsk, 1979. (In Russ.)

Russkie skazki Sibiri dlya detey mladshego vozrasta [Russian tales of Siberia for young children]. Comp. T. G. Leonova. Novosibirsk, 1977. (In Russ.)

Russkie volshebnye skazki Sibiri [Russian fairy tales of Siberia]. Comp., prolusion, commentary by R. P. Matveeva. Novosibirsk, 1981. (In Russ.)

Sibirskie skazki. Zapisany I. S. Korovkinym ot A. S. Kozhemyakinoy [Siberian tales. Collected by I. S. Korovkin from A. S. Kozhemyakina]. Novosibirsk, 1973, 2nd edition, supplemented. (In Russ.)

Skazki Omskoy oblasti. Zapisany I. S. Korovkinym ot A. S. Kozhemyakinoy [Tales of the Omsk region. Collected by I. S. Korovkin from A. S. Kozhemyakina]. Novosibirsk, 1968. (In Russ.)

Skazki, posloviy, zagadki. Sbornik ustnogo narodnogo tvorchestva Omskoy oblasti [Tales, proverbs, riddles. Collection of oral folkpoetry of the Omsk region]. Comp. V. A. Vasilenko. Omsk, 1955. (In Russ.)

Smirnov Yu. I. *Byliny. Ukazatel' proizvedeniy v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh* [Bylinas. Index of texts in their variants, versions and contaminations]. Moscow, 2010, 280 p. (In Russ.)

Smirnov Yu. I. Dostovernost' fol'klornogo teksta [Reliability of a folklore text]. In: *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Heritage of the Peoples of Siberia and the Far East]. Coll. Of scholarly. works. Yakutsk, 1991, pp. 6–22. (In Russ.)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative Plot Index. East-Slavic Tale]. Comp. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, 1979, 437 p. (In Russ.)

Yashin V. V., Mashkarin M. I. *S dnem rozhden'ya, rodnoy kray: k istokam osnovaniya poseleniy Omskogo Priirtysh'ya* [Happy birthday, native land: to the origins of the foundations of the settlements of Omsk Irtysh region]. Omsk, 1999, 231 p. (In Russ.)